

Сибирь – между Центром и Человеком?

Нет нужды говорить о том, что Сибирь – становой «хребет» России – это очевидно и не требует дополнительных аргументов. Зависимость России от того, как обстоят дела в Сибири, не только не уменьшается, но и усиливается: страна все больше «специализируется» на производстве энергоресурсов и добыче сырья. Но при этом статистика и счета показывают обратное: роль Сибири на фоне России за последние 20 лет неуклонно снижается, а положение населения обширной территории не улучшается.

Из почти 500-летней истории пребывания Сибири в составе России почти половина этого периода приходится на время, когда развитие и приумножение ее богатств происходило не только по воле государя и государства, но в первую очередь тех отважных людей, которые устремились развивать и благоустраивать этот замечательный, но далеко не самый легкий для жизни край.

Политика промышленного освоения Сибири, начиная со второй половины 1920-х годов, практически всегда была направлена на реализацию целей и задач, сформулированных Центром, при очень незначительном участии Человека. А уж о том, что все это создается для Человека, и вовсе не упоминалось. И лишь когда Центр искал выход из тупика им же созданных и им же воплощаемых подходов, вспоминали о Человеке, который должен был бы стать активным участником процесса решения непростых задач продвижения на Север и на Восток.

Но несмотря на такой подход (для человека без Человека), в Сибири строились города, развивалась экономика обширной территории, улучшались условия жизни людей.

Те, кто по своей воле шли сюда в поисках лучшей жизни, как правило, были люди не только гонимые, но и не имевшие возможности реализовать свои представления о лучшей жизни там, где им довелось появиться на свет.

К числу таковых относятся старообрядцы, казаки и... романтики – комсомольцы-добровольцы строек коммунизма, люди, движимые идеей построения новой жизни в новом краю. Уникален пример коммуны иностранных рабочих (из США и Европы), которая в первой половине 1920-х годов участвовала в строительстве коксохимического завода в г. Кемерово. Это пример другого подхода, который показывал, что могут сделать за короткий срок свободные люди на свободной земле. Увы, «лодка романтизма» разбилась о бюрократические и авторитарные методы решения социальных и экономических задач, которые быстро становились всеобщей практикой в молодой Советской России.

Чем хорош и чем плох такой подход (для человека без Человека)? Хорош – простотой и однозначностью, относительной быстротой реализации и высокой степенью унификации. Плох – невозможностью учета меняющихся социально-экономических реалий и ужасающей инерционностью. А еще тем, что вновь и вновь возникает необходимость вмешательства Центра (исправить, модернизировать, «дать» новый импульс).

Проблема «Сибирского проклятья» (Siberian Curse) состоит в том, что при такой модели (для человека без Человека) колоссальный объем усилий и средств затрачен на создание среды, невосприимчивой и, более того, отторгающей новые экономические реалии, такие особенности современной экономики, как высокая скорость протекания всех процессов, глобализация и нарастание изменчивости.

Ничего нового в этом нет – централизация хороша при реализации проектов политического характера и на начальном этапе крупных инфраструктурных проектов. Однако и всеразрушающая децентрализация также не панацея: в современной экономике важное место занимают крупные компании, к тому же переход в новое качество в меняющихся условиях требует колоссальных инвестиций.

Как это часто бывает в жизни – истина где-то посередине. Нужны и централизованные решения, и Центр – компетентный и видящий далеко вперед. Также нельзя обойтись и без Человека – и цели, и творца всех начинаний.

Увы, о Человеке и в России, и в Сибири стали, по установившейся в XX веке традиции, забывать и в веке XXI.

В экономике Сибири прочные позиции заняли «новые тяжеловесы» – крупные компании, и частные, и с государственным участием (или с участием отдельных частных лиц – например, ОАО «Норильский никель»). Государство вновь озабочено крупными эпохальными проектами освоительского и чисто ресурсного характера, процесс перераспределения финансовых ресурсов вновь набрал катастрофические обороты.

В такой ситуации неизбежно снижение отдачи от тех активов, которыми располагает Сибирь, а также нарастание пессимизма и апатии населения.

Противостоять такому развитию событий может и должен Центр в тесном сотрудничестве с Человеком. В основе – региональная политика, направленная на создание условий для комфортного проживания и развития творческого и предпринимательского потенциала населения территории. Это не только (и, подчеркнем, не столько) изменение направлений финансовых потоков, сколько расширение возможности населения определять свое будущее. Создать свое дело, привлечь капитал, быть конкурентоспособным должно быть не только выгодно, но и престижно, почетно. Сибиряковы, Юдины и многие другие не только занимались предпринимательством в Сибири, они способствовали развитию науки, образования, просвещения. Они везли библиотеки и приглашали профессоров из

Европы, оснащали экспедиции и строили школы и больницы. Все это делалось с верой в возможности Сибири.

К сожалению, в новой России в новом столетии, безусловно, доминирует Центр – и там, где надо, и там, где особой нужды давно нет. В основе этого – технократический подход (который не раз создавал иллюзию продвижения вверх по лестнице, ведущей, увы, вниз).

В статье А.А. Анисимовой и О.Г. Ечевской убедительно показано, что непризнание сибирской идентичности, основанной на заинтересованности в долгосрочном и поступательном развитии Сибири, эквивалентно непризнанию деятельностного потенциала сибиряков (который не имеет ничего общего с сепаратизмом и нигилизмом). Увы, непризнание данной особенности (Человек не виден!!!) ведет к усилению протестных настроений и противопоставления «Центр – Сибирь».

Е.Т. Артемов в своей статье (в рубрике «Экономическая история России») показал, как по мере политизации хозяйственных решений отходили все дальше и дальше такие основополагающие черты устойчивой экономики, как «удовлетворение за счет местного производства своих нужд, ставка на средние и небольшие предприятия... при равномерном размещении внутри экономических районов» (что и усугубило действие синдрома «Сибирского проклятья»).

С.С. Артоболевский видит (не без оснований) истоки многих проблем в отсутствии региональной политики и даже отмечает спонтанное формирование «стратегии пространственного отступления» (в пределы Московского и Рязанского княжеств?!).

Ответ на вопрос – кто кому должен, далеко не прост, как показывает Ю.С. Ершов. Оценки и расчеты демонстрируют печальную тенденцию забвения Человека: «время возрождения Сибири, её экономического расцвета еще не наступило», – отмечает он с горечью.

Ничего не дают и не могут в современных условиях дать подходы прошлых лет – время проектов гигантскихстроек и производств, рожденных в тиши кабинетов, прошло. Это особенно касается проектов на Урале и в Сибири – их неэффективность носит хронический характер.

Наша точка зрения состоит в том, что исправить ситуацию может только баланс Центра и Человека. От этого выиграет и Россия, окрепнет и Сибирь. Человек – гражданин, житель – должен иметь возможность реализовать свой потенциал на территории Сибири. Для этого он должен видеть перспективу и иметь реальную возможность жить полноценной и насыщенной жизнью. Ощущение возможностей и высоких шансов их реализации во всех сферах деятельности – путь от человека к Человеку, от Сибири уходящей – к Сибири растущей и процветающей.